

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К30

Кацура, Александр Васильевич.

К30 **Фантомный бес / Александр Кацура.** — Москва :
Эксмо, 2020. — 704 с.

ISBN 978-5-04-105442-7

Глобальный синопсис всех достижений и мерзостей, благородства и подлости, глупости и мудрости, хаоса и космоса ушедшего XX века.

В прозрениях русских поэтов. В открытиях ученых. В предсказаниях фантастов. В трагедиях войн и революций. В истории создания атомной бомбы...

Роман Александра Кацуры — неожиданное и мощное литературное явление. В нем масса принципиальной и интереснейшей информации о ключевых фигурах и процессах XX века — физиков-ядерщиков и разведчиков, политиков и писателей. Это философский анализ эпохи в грандиозной паутине ее связей.

Михаил Веллер

Автор умудрился в пределах одного, пусть и довольно объемного, произведения, уцепившись за, может быть, важнейшую проблему XX века — создание всепоражающего оружия, способного уничтожить человечество, — рассказать о судьбе и векторах развития человечества в главных направлениях: культурном, политическом, экономическом и, главное, духовном.

*Валерий Генкин, писатель,
главный редактор издательства «ТЕКСТ»*

**УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

ISBN 978-5-04-105442-7 © Кацура А.В., 2020
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Двадцатый век... Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).

Александр Блок

ПРОЛОГ

«**М**ир рвался в опытах Кюри атомной лопнувшей бомбой на электронные струи невоплощенной гекатомбой». Строки эти были горячим шепотом произнесены русским поэтом в момент, когда он задумчиво бродил по лесным тропинкам возле тихого провинциального монастыря. Навязчивая идея о взрывах глобального масштаба, о массовых жертвах, о горах трупов, о гекатомбах пришла ему в голову после того, как в декабре 1903 года газеты сообщили, что Нобелевская премия по физике присуждена супругам Пьеру и Марии Кюри за опыты по радиоактивности. Явление это было весьма необычным, но сами опыты скромными, все наблюдения и измерения происходили на простом лабораторном столе. Супруги, научившиеся с помощью фотопластинки регистрировать невидимые лучи, вылетающие из кусков добытой в горах Богемии урановой смолки, об освобождении огромной энергии не помышляли, как, впрочем, и остальные физики, которых результаты этих опытов откровенно заинтриговали. Не думали о страшных взрывах и те специалисты, кто знаменитую уже на тот год научную премию супругам и их коллеге Беккерелю вручил. Никто в ученом мире еще не понимал, куда эти опыты могут завести. Поэты по отношению к тайнам природы обычно менее осведомлены, нежели ученые, но трещины и боль мира они чувствуют острее и глубже.

Взволнованному поэту слова о *лопнувшей атомной бомбе* впервые, по всей видимости, пришли в голову туманным летом 1904 года, когда какая-то неведомая сила позвала его по-

сетить Саровский монастырь. Ровно год назад именно здесь при огромном стечении народа состоялись прогремевшие на всю Россию Саровские торжества, целью которых было, как объявил Святейший Синод, «признать благоговейного старца Серафима, почивающего в Саровской пустыни, — в лике святых, благодатию Божиею прославленных, а всечестные останки его — святыми мощами, и положить оные в особо уготованную усердием Его Императорского Величества гробницу для поклонения и чествования от притекающих к нему с молитвою».

Инициатором канонизации Серафима выступил сам молодой император. Дело в том, что императрица Александра Федоровна, глубоко, до нервного срыва, переживающая, что не может родить наследника мужского пола, убедила супруга в том, что именно Саровский святой даст России после четырех девочек наследника. Самое удивительно, что не прошло и года, как она мальчика родила.

Впрочем, молодой наш поэт едва ли об этом вспоминал. Он думал о своем. Он бродил по упоительным дорожкам этого чудо-монастыря, но в душе его взрывался хаос.

Сам он не в силах был понять, как и откуда этот хаос в него проник. Сражаясь с ним, он решил рассказать об этой тревоге, об этом жаре, об этой внутренней борьбе в письмах к своему недавно обретенному другу, живущему в Петербурге.

«Милый и дорогой Саша, не ты ли говорил мне, что всякая дыра черна, а дыра в пространстве особенно? Не рвется ли там мир в клочья? Не торжествует ли хаос?»

Некоторое время спустя этот его друг, весь — тоже обнаженные нервы, отвечает ему из Петербурга уже в Москву: «Милый Боря, я не провозглашаю никаких черных дыр. Я вообще не призываю хаос».

Внимание! Впервые в истории и за шесть десятилетий до физиков-теоретиков было сказано — «черные дыры»! И рядом упомянут — «хаос»!

Позже наш поэт включит строки про гекатомбу в свою поэму «Первое свидание», посвященную годам его юности.

Само это слово — из Гомера:

Мы, окружая родник, на святых алтарях приносили
Вечным богам гекатомбы отборные возле платана...

Дословно оно означает жертвоприношение из ста быков. В переносном смысле — это массовая гибель людей во время войн или катастроф.

Через пару столетий конкретное значение этому словечку вернет Пифагор, но по более веселому поводу — он прикажет заколоть и зажарить сто быков, дабы отпраздновать доказательство своей великой теоремы.

Еще через две с половиною тысячи лет это слово приобретет уже инструментальный и жуткий смысл. От взволнованных строк поэта до двух железных бочек весом в несколько тонн, начиненных ураном и плутонием, пройдет всего сорок лет. Эти десятилетия будут наполнены небывалыми вспышками интеллекта, впрочем, как и небывалым взлетом поэзии. Взрывы научного разума составят туго сплетенную двойную цепь — одна приведет к сотрясающим воображение открытиям, другая, от первой неотрывная, — к предельно мрачным результатам, отдающим духом преисподней.

Всполохи поэтического гения приблизят небо, но и обнажат бездну духовную.

ВОЙНА ПЕРВАЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1903—1913

БОРИС, СТАВШИЙ АНДРЕЕМ

«Я понял, что ужасы Хаоса в конце концов воплотятся в лик Безумия...»
Молодой поэт, восторженный и тревожный, отчетливо прошептал эту фразу, прежде чем доверить ее бумаге. Он писал письмо другу. Друг ответил: «Мы это безумие и творим».

1904 год. Душный август.

Самая первая искра, открывшая крохотную щель в пространстве безумия, вспыхнула в провинциальном городке Арзамасе. Точнее, случилось это неподалеку, в Саровской пустыни, бывшей обители преподобного Серафима, а также в расположенном рядом Дивееве, куда в смутных поисках душевного покоя и света заглянул в разгар лета Борис Николаевич Бугаев, молодой человек двадцати трех лет, недавний выпускник физико-математического факультета Московского университета. Жизнь только начинается, и он весь в метаниях. Уже два или даже три года он пишет стихи и посвященные символизму статьи, но подписывает их другим именем.

«Звон дивеевских колоколов — сладкий, призывный. Кругом такая радость, золото и вино, а мы — неужели мы не созданы восхищаться. Неужели мы не оценим жизни?.. О, как бы я хотел вырвать кусок холодного закатного золота — застывшего, как леденец, чтоб растопить его своим восторгом. Пусть струится оно — расплавленное, — пусть оно греет плечи нежной задумчивостью... Прости меня за эти безумные слова... Мне все труднее быть внешним... В мою тему входит один мотив ужаса, который я должен преодолеть, иначе он погубит меня. Детство мое выросло из ужаса. Когда

я еще не осознавал себя, я уже сознавал, помнил свои сны. Это все были *Химеры*. Я стоял в голубых пространствах... Лепестки сплетались в один шатер — бело-розовый, озаренный голубым лучом месяца... И я думал, что это — храм. Взвилась пепельная ракета и рассыпалась пеплом... И открылся лабиринт. И помчался бычий лик Минотавра. Тут я понял, что роковая тема ужаса, всю жизнь змеившаяся вокруг меня, но не смеющая вступить в бой, теперь ринулась на меня. Мне предстоит или умереть, или убить Минотавра. Ужас еще не вселился в мир, но... но уже на многие Лики падает тень... Демон или ангел?»

Душа поэта раздваивалась, он метался от края к краю. Мысли о новейшей физике, подбирающейся к страшной, смертельной тайне, неожиданно врываются в его сознание, чувствительное до дрожи и боли. Он шел, не разбирая дороги, и бормотал: «Соединяет разум мой законы Бойля, Вандер-Вальса со снами веющего вальса, с богами зреющими тьмой». А вслед за тем сами собой сложились другие строки: «Бегут года, летят планеты, вонзаясь в холод ледяной. Завороженный маг, во сне ты повис над страшной пустотой. Не раз — не раз, сражаясь с Богом, десницей ввысь грозил — о пусть — в изгибе уст безумном, строгом я узнаю немую грусть...» Ночью, в гостиничной комнатке, больше похожей на келью, он записывает:

В небесное стекло
С размаху свой пустил железный молот...
И молот грянул тяжело.
Казалось мне — небесный свод расколот...

«Небесный свод расколот». Эти строки он послал Блоку в Питер. Тот ответил немедленно:

«Милый дорогой друг Борис Николаевич. Твое письмо поразило меня сразу же... Лик безумия, сошедший в мир, — и притом нашего *нынешнего* безумия — грозил и прежде. Но знаешь ли? Он разрешит грозу и освежит. Я *спал* и видел холодные сны... Мы поняли слишком много — и потому *перестали понимать*. Я не добросил молота — но небесный свод сам раскололся. И я вижу, как с одного конца ныряет и расползается муравейник расплюснутых сжатым воздухом...

сваренных заживо... закрученных неостановленной машиной — а с другой — нашей воли, свободы, просторов. И так везде — расколотость, фальшивая для себя самого двуличность, за которую я бы отомстил, если бы был титаном, а теперь только заглажу ее... Как видишь, я пишу несвязно».

Может быть, и несвязно, но как выразительно. И с каким страшным предчувствием о «сваренных заживо».

К тому, чтобы писать под псевдонимом, молодого Боря Бугаева склонил его старший друг Михаил Сергеевич Соловьев, литератор, умный собеседник, издатель сочинений своего прославленного брата, философа Владимира Сергеевича. Начинаящий поэт Борис живет неподалеку от Михал Сергеевича и часто заглядывает к нему в гости. Говорит он много, горячо, порою путано. Михаил Сергеевич слушает его внимательно и серьезно.

«Белый цвет — символ богочеловечества. Сверкнувший белый луч мистического солнца — необходимое условие для обретения божественного видения... Но как непросто к нему пробиться, — голубоглазый, светловолосый юноша танцующей, прыгающей походкой носился по комнате. — Цвет ужаса — черный. Ужас, воплощенный в бытие, — это серое. Серая пыль — ужас, путь во мрак. Мрак этот воистину мрачен, ибо слой серой пыли так толст, что сияние белизны, мерцающее на горизонте, пробиться не в состоянии. И только ритм тут может спасти».

— Ритм? — спрашивает Михаил Сергеевич. Он удивленно поворачивается в кресле, и его пенсне на мгновение вспыхивает.

«Да, ритм. Повтор. Возврат. Как в музыке — вечная погоня за новым образом и вечное возвращение. А на деле — сведение всякого образа к точке, к дыре. Дыра черна, это прокол в пространстве, это мистический провал. Сквозь черный этот колодезь старый образ мира проходит — через музыку — в новый. И — возвращается свет. Трудный, мучительный путь от вечно черного — к белому, другим словом — к новому. Недаром в «Откровении» «новый» и «белый» почти синонимы».

— Поразительно! — шепчет Михаил Сергеевич. — Это не речь, мой юный друг, у вас это действительно музыка. Бесконечная музыка. Да такая, какой мы еще не слыхивали.

«Грехопадение — великая ошибка. Она случилась благодаря смешению огненно-красного с огненно-пурпурным, и отсюда срыв... Пурпур — тот огонь Отца, которым Христос сожжет землю и который для праведных будет восторгом, а для грешных — морем огненным. И смерть, и ад повержены в пучину огня. Белый цвет — это предвкушение Христова второго Пришествия. Но белое есть лишь нечто от Христа. Лишь часть, лишь намек... Белое — человекобожеское, но еще не богочеловеческое, утешение не Святым Духом, но однако же утешение... и оно светлое, оно белое».

— Вот только сейчас я понял, — сказал Михаил Сергеевич. — Вы не просто проповедник белого. Вы и сам — Белый.

— Что?

— Как вы подписываете свои стихи?

— Пока никак. Они только сданы в печать. Но под моим, естественно, именем — Бугаев.

— Послушайте меня. Никакой вы не Бугаев.

— То есть как?

— А вот так! Вы — Белый. И не Борис вы, кстати.

— А кто же?

— Пойдите... Сейчас понял... Вы — Андрей.

— Думаете?

— Не думаю, а знаю. Дальнее, дальнее эхо от Андрея Первозванного. Вы такой же туманный, такой же мистический. Такой же пришелец на нашу землю. Чуть ли не с небес. Не человек, а миф.

— Ну, это вы круто взяли.

— Я же говорю — эхо дальнее. Так что не смущайтесь.

— Все равно... Звучит сильно.

— Послушайте, это не совет, а приказ. Вы будете подписывать свои стихи, статьи и книги — а надеюсь, что книги будут — Андрей Белый. Звучит и читается красиво, но главное в ином — это новое имя больше соответствует вашему поэтическому облику.

— Погодите... — Борис все же смешался, задумался на секунду, потом вскинул голову. — Впрочем, не смею послушаться. Мне даже нравится.

— Еще бы! — сказал Соловьев.

ПАТЕНТНЫЙ ЭКСПЕРТ ТРЕТЬЕГО КЛАССА

Швейцарский город Берн. Патентное бюро. Молодой сотрудник терпеливо перебирает скучные рабочие бумаги. По большей части это заявки на всяческие изобретения — упругая скрепка для бумаг, безопасная бритва новой конструкции, втулка с крылышками для ручной маслобойки, кронштейн особой прочности... В особую стопку отложены заявки серьезные — машиностроение, механизмы, приборы... Но мысли его витают в иных мирах. Это не ускользает от взгляда директора бюро.

— Молодой человек, — ворчливо говорит директор. — Прежде чем мух в окне считать, надо бы разобрать заявки, скопившиеся на вашем столе. Мы постоянно опаздываем с ответами, на нас уже жалуются.

— Да, да, господин директор, — рассеянно отвечает сотрудник. — Разумеется. Я все разберу. Можете не беспокоиться.

Директор скептически поджимает губы. Он не до конца верит подобным обещаниям.

— Вы только посмотрите, что тут написано, — восклицает эксперт второго класса Франц Нольде, удивленно вглядываясь в газету. — Взрывы бомб случились практически одновременно!

— Какие такие взрывы? — спрашивает эксперт третьего класса.

— Террористы. Один в России, другой на Балканах. Слово сговорились.

Все уже знают — в России неспокойно. На Балканах тоже несладко. Газеты накинута на эти события. В королевстве сербов какая-то «Черная рука» безумствует, в русском царстве вообще чуть ли не революция. По улицам, размахивая пашками, скачут казаки, рабочие строят баррикады. Даже здесь, в тихой, молочной Швейцарии общественность оживилась, кто-то встревожен, кто-то озадачен, кто-то ждет перемен. Нельзя сказать, что задумчивого эксперта третьего класса политические события не интересуют. Напротив, он тут довольно отзывчив. Они его тоже тревожат, даже ранят душу. Но